

Ободзинского, по мнению людей, его знающих, в детстве поцеловал Бог. Этот голос нельзя понять иначе, потому что данное разъяснение является всесильным и верным.

Лучший голос в СССР, сладкие песни, фильм «Золото МакКенны», размагниченные телеплёнки, тишина.

Новому поколению его имя говорит мало.

Старое поколение... Есть фраза «остаться в памяти народной». Ободзинский остался в ней. В письмах, которые ему пишут. В них нельзя рассмотреть переполненные стадионы, конную милицию у Театра эстрады, тиражи пластов, почти такие же, как сейчас у Майкла Джексона («Dangerous» Джексона — 17 миллионов экземпляров, «Поэт Валерий Ободзинский» — 13...). Ту безумную и абсолютную любовь зрителя, слушателя, фаната, балдеж от песни «Эти глаза напротив», сразу и навсегда, под которую росли дети на коммунальных кухнях. Любовь, в которой он купался и которая не вывет-

«Эти глаза напротив» — сразу и навсегда

рилась за давностью лет, перейдя в более ровную субстанцию — в письма. Откуда угодно. Из тюрем, из Владивостока, из-за рубежа. «Ты вернулся, спасибо тебе, я так ждал твоего возвращения»...

Он исчез в 1986 году, и после его исчезновения было три версии — он — в Штатах, он в Израиле, он умер... Он живет в Москве, не любя (боюсь?) давать интервью и тихо записывая песни. Он знает себе цену. Ему принадлежат слова о том, что после его ухода — за 10 лет — никто не занял на эстраде его места вокалиста, в то время, как эстраду запрудили исполнители.

Коренной одессит, Ободзинский родился в 1942 году, попав как раз в период оккупации Одессы, и его вместе с дядей пытался расстрелять в незначительном возрасте немецкий офицер, т. к. голодный пятилетний дядя Валерия похитил и съел колбасу, принадлежавшую офицеру. Немец вытащил уже револьвер, когда бабушка кинулась ему в ноги и стала целовать ему сапоги. Офицер проявил милость...

Ободзинский жил в доме на Малой Арнаутской вместе с семьей и бабушкиным кабанчиком. После окончания оккупации Одессы детство вышло какое-то совсем хулиганское: малоарнаутские друзья Ободзинского чистили карманы прохожим, пока тот отвлекал жертву своим ангельским голосом.

При активном содействии ул. Малой Арнаутской он научился пить. Когда ему было 15 лет. Потом понял, что надо завязывать. Став звездой, приезжая изредка в Одессу, он ставил бутылку своим друзьям.

Он работал на пароходе кочегаром. Потом уехал из Одессы в Томск. Он не знал вот, но устроился играть на контрабасе, изучив контрабас, и одновременно пел.

В 1964 году ему было предложено на выбор — петь в оркестрах Рознера или Лундстрема. Выбор был сделан, Лундстрем стал как бы крестным отцом.

Первый успех пришел с песней «Луна на солнечном берегу». Потом...

Потом началось невообразимое. Бешеный успех у зрителя совмещался с ненавистью начальников. А Минкульт и Ободзинский были вещами несовместимыми.

На телевидении он был, в общем, запрещен. Лапин (по признанию Ободзинского — анисемит) как-то сказал: нам достаточно Кобзона, а Градский, то есть Ободзинский, нам не нужен. А в Ободзинском течет и еврейская кровь, хотя он поляк, крещенный теткой по католическому обряду. Времена были смешные, чтобы попасть в хорошую передачу, нужны были лояльность? гражданственность? уступчивость? деньги — в те времена?.. Как Ободзинский и признался: «Я бы и дал кому-то, но никто у меня не брал...»

Государство обкрадывало его. Первая пластинка стоила 2 рубля 60 копеек, ее тираж был 13 миллионов. На ней заработали около 30 млн. долларов в пересчете на те деньги. Он получил 150 рублей.

Из интервью, данного «Комсомольской правде» (24 августа 1994 года):

— Я никогда не был признан нашей элитой, в том числе композиторской. У меня всегда были с ней расхождения...

Поэтому для меня писали молодые композиторы, которых тоже не подпускали близ-

А ведь когда-то пела вся страна:

«Льет ли теплый дождь, падает ли снег, я в подъезде возле дома твоего стою...»

Неужели это было так давно? Но мы-то остались те же, и наши песни — не изменились

ко к радио, к телевидению... Автором песни «Эти глаза напротив» стал Тухманов. У него всегда были проблемы с властью. На «Дне Победы» зарывались инфаркты. Его топали члены Союза композиторов, они полагали, что «День Победы» — это фокстрот.

Я — певец, не попавший тогда в струю нашего офицера. Меня любил слушать народ. А партия ненавидела. Я был певцом из-под полы.

Я — манерный певец. Фельцман, Фрадкий не могли написать для меня песню. Я шел намного дальше наших советских певцов.

...Кобзон, Лещенко — певцы с вокальной школой. С поставленным голосом. А я пою открытым звуком. Это совсем другое. Это только потом я научился чуть-чуть прикрывать звук.

Все западные певцы поют открытым голосом.

Майкл Джексон, например, — это чисто открытый звук... Они поют душой, и я тоже пел душой. Они правдивые. Я не хочу ругать наших, но они... Я считаю, что у нас не было эстрады, а как бы второй сорт оперы.

Эстрада считалась легким жанром, искусством третьего, четвертого сорта... И, наверное, правильно, потому что у нас эстрада на таком низком уровне... А там, у них, нет понятия «третий сорт»... К Джексону относятся так же серьезно, как к Пavarotti. Только у Джексона свой контингент зрителей, а у Pavarotti свой. Разве, когда вы смотрите на Майкла Джексона, вам кажется, что это — легкий жанр?

Я хорошо знаю себе цену. У меня было чуть меньше популярности, чем у Магомаева. Опережали друг друга то я, то он. У Кобзона своя публика, у Магомаева своя, и у меня тоже.

Я всегда был лириком. И пел только о любви. Я не был, как Иосиф Давыдович, плакатным певцом. Я не мог этого делать и не делал. Хотя руководство мне предлагало это.

Снять мои концерты не представляло затруднений для начальника городского управления культуры... Шкодин из Московского управления позвонил директору Театра эстрады и проорал: «На каком основании вы дали Ободзинскому месяц выступления в театре? У нас только Райкину столько дают! Снять немедленно! Что это за пошлость?»

Люди приходили ко мне и говорили: «Валерий Владимирович, я женился, любил подвину песню, но у нас не сложилась жизнь... И сейчас я слушаю эту песню, она для меня как сладкий мед...»

— Вас ненавидела Фурцева?

— В Кремлевском Дворце сидели утопические люди, которые занимались политикой.

Если доярка могла судить Сахарова. Доярки во Дворце Съездов решали судьбы интеллигенции. А вы мне говорите о Фурцевой... Фурцева была ткачиха. Какое отношение Фурцева имела к культуре?

Как-то она явилась на Апрелевский завод грампластинок. Прошла по цехам. Спрашивает у первого рабочего: «Что вы печатаете?». «Пластинку Ободзинского». У второго: «Что вы печатаете?». «Пластинку Ободзинского». У третьего — то же самое. Она занервничала. Генеральный директор «Мелодии» предложил ей подняться на второй этаж, сказав, что там печатается классика, серьезная музыка. У первого станка: «Что вы печатаете?». «Пластинку Ободзинского...»

Эту пластинку мне тут же закрыли.

Для меня закрывались и двери ТВ. Я стал знаменитым, спел «Восточную песню». Я спел ее утром, а вечером стал уже знаменитым. Это был 1968 год. В 1969-м у меня уже появились завистники, недоброжелатели...

Все, что у меня записывалось, размагничивалось. Сейчас Анна стала искать мои записи на телевидении — ничего не оказалось нигде. Все размагничивалось... Даже из старых «Новогодних огоньков» вырезались мои выступления. Осталась только одна телевизионная запись. В «Голубом огоньке» 1968 года.

— ...Расскажите о фильме «Золото МакКенны», где вы озвучивали знаменитую песню? (В кинотеатры приносились публичкой магнитофоны, песня записывалась и переписывалась. Автор ее, между прочим, Куинси Джонс. Песня восстановлена сейчас по кускам, и звучит на CD «Карнавал любви Валерия Ободзинского» — Д. К.)

— Когда меня выгоняли в дверь, мне приходилось лезть в окно. Я озвучивал фильмы. В картине «Русское поле» была песня «Колдовство», но как она подавалась!.. Стояли стилисты, и у них из магнитофона звучала эта песня. Рядом две старухи. Они поворачивались и говорили: «Развели тут стилист, они и слушают всякую гадость...» Появилась возможность записать песню и в «Золоте МакКенны». Я вызвал Дербеневу, он написал текст к этой песне. И попал в шлягер.

— А как вы ушли с эстрады в 1986-м?

— Я устал бороться, унижаться. И я почувствовал, что достиг своего потолка. Что на том уровне, который мне предоставлялся, я себя исчерпал. А то, что у меня было внутри, я не мог делать.

— Что?

— Спектакль по Шекспиру, по его сонетам. Этим никто не хотел заниматься...

...Я почувствовал еще и спад интереса со стороны зрителя. И решил уйти. Переломить себя, сделать себе отдых. Я не хотел уйти из искусства навсегда, только временно. Я решил проанализировать себя самого. Выстрадать себя, пострадать. Опустить на землю. Пересмотреть свои позиции. Я решил пробить головой тот потолок, которого я достиг. Стать простым человеком. Я устроился сторожем на галстучную фабрику... Когда меня узнавали в конторах, я говорил, что это мне нужно для работы, что я вхожу в какой-то образ. Но я везде врал.

— Вы верующий человек?

— Нет. Но я очень люблю церковь. С детства. Церковь должна быть в России, и никакая идеология не заменит церковь. Церковь — это нравственность.

— Вы жесткий человек?

— Очень. По отношению к себе и к другим.

Из телевизионного интервью Валерия Ободзинского, не вышедшего в эфир (1993 год).

— Ваша дочь Анджела (названная в честь песни Ободзинского. — Д. К.) хочет стать певицей?

— Мне будет очень больно, если я увижу девочку бездарной на телеэкране. Если она отнесется к песням, к творчеству непрофессионально, я буду очень переживать за нее. И буду мешать. Я не хочу, чтобы ребенок в моем деле пользовался только моим именем.

— Чем вам приходилось в жизни заниматься, кроме пения?

— Пением. Только.

— Кто ваши друзья?

— У меня нет друзей. Я в них не верю. Я знаю по опыту, что, когда человеку плохо, никто ему не приходит на помощь. Я не верю в дружбу. Человек говорит за глаза, что вы мерзавец, потом вы входите в комнату, и он с вами целуется. Позвольте мне не верить в такую дружбу.

— Это результат жизненного опыта?

— Да. Именно жизненного опыта.

Ему никто не ставил голос, кроме него самого. Была одна женщина в Одессе, очень интеллигентная, которая чуть-чуть отшлифовала его тенор в юности. Дальше он шлифовал его сам. Во времена молчания он никак не поддерживал голоса.

Филипп Киркоров реанимировал песню «Эти глаза напротив», спев ее, по мнению Ободзинского, хорошо, но по своему. Но эта песня его навсегда.

Анна Есенина — человек, которого он очень любит, женщина, сыгравшая в его жизни огромную роль. Она пришла к нему в период... так скажем, застоя в его творчестве, заставив начать все заново. Это произошло в 1991-м. В 1992-м он уже записывался снова. Анна — уникальный человек. Она была его поклонницей, ходила на все концерты. С огромными букетами роз, тратя на них свои школьные карманные деньги, затем — зарплату библиотекаря и выпрошенное в кассе взаимопомощи. До того как Ободзинский вошел в ее жизнь, она дружила (и дружит сейчас) с Аллой Баяновой, с Борисом Рубашкиным. И сейчас воссоздает образ Ободзинского. В нем самом в том числе.

Он пока не дает концерты. Им записана пластинка песен Вертинского. Пока не изданная. Пластинка удалась. Но Вертинский — не совсем его музыка. И он принял решение записывать уже свои песни. Начать все снова. Ему помогают в работе благотворительного-коммерческая фирма и аранжировщик Дима Галицкий. Но ему нужны спонсоры.

Что осталось от того времени, от той эпохи... Потрашающий, уникальный эстрадный голос. Дивные песни, к которым неприменимо скользкое слово «попса». «Эти глаза напротив»... Это нельзя забывать, наверное, хотя бы потому, что поколение Ободзинского в глубине души продолжает жить полумистической силой того взгляда.

Денис КОРСАКОВ.

Фото Геннадия ДИАНОВА.